

Андрей Степанов

Севернорусская изба: динамика пространства и повседневный опыт (2-я половина XX — начало XXI в.)

В данной работе я рассмотрю некоторые региональные особенности развития севернорусской избы: ее пространственной организации и интерьера, а также то, как произошедшие изменения сказались на опыте «проживания» домашнего пространства¹. Теоретические предпосылки предлагаемого анализа состоят в следующем.

Говоря об освоенном человеком пространстве, необходимо иметь в виду по меньшей мере два обстоятельства. Во-первых, человек как социальный актор реализует себя не в физическом, а в социальном пространстве, независимо от того, относится ли это к взаимодействию субъектов или к манипулированию материальными объектами, поскольку и последние являются не более чем объективациями социально произведенных значений. Мы говорим, следовательно, о социально конституированном пространстве, физическая составляющая которого стратифицирована посредством социальных метафор. Как показывает Пьер Бурдьё, в любой социальной системе происходит отождествление социального и физического

Андрей Викторович Степанов
Российский
этнографический музей,
Санкт-Петербург
dobrohodushka@yandex.ru

¹ Статья основана на материалах экспедиции автора в Вожбалский с/с Тотемского р-на Вологодской области. Экспедиция состоялась в июне 2011 г. В основу работы легли данные 22 интервью с 16 информантами; возрастной состав моих собеседников распределился следующим образом: 1920-х гг.р. — два чел., 1930-х — восемь чел., 1950-х — четыре чел., 1960-х — два чел. Записи хранятся в Фольклорном архиве АНО «Пропповский центр».

пространств — приписывание социальных значений физическому миру; и именно через эту «натурализацию» социальный порядок входит в субъективные структуры и опыт, т.е. воспринимается субъектом как принадлежащий «порядку вещей» [Бурдые 2007: 49–53].

Второй вопрос касается того, какие формы принимает это пространство в опыте. В опыте, погруженном в повседневный праксис, оно предстает, или является (в феноменологическом смысле слова) как место (топос). Место — это не часть пространства (т.е. нельзя сказать, что есть пространство и есть место), а модус его восприятия. Пространство не *осмысляется* в форме места, т.е. не является когнитивным конструктом (ср.: [Топоров 2004]), а *проживается* в форме места, «очерчивая вокруг нас изменчивую линию границ наших намерений и жестов» [Мерло-Понти 1999: 192]. Место есть актуальная витальная окрестность человека: сфера реализации его перцептивно-деятельностных схем. Человек и место находятся в зависимости, которая обусловлена синтезом функциональных, телесных и социальных детерминаций и которую можно обозначить как местодействие. В зависимости от контекста — например, обыденной или проблематичной ситуации, конкретных практических акцентов и др. — место (в нашем случае жилище) может идентифицироваться либо как некоторая целостность, либо как совокупность взаимосвязанных топосов (см.: [Филиппов 2009: 7]). Согласно Эдварду Кейси, место и субъект связаны отношением взаимного конституирования, эта связь основывается на микропрактиках субъекта в конкретном месте и осуществляется через телесно закрепляемый навык — освоение субъектом этих практик [Casey 2001: 684, 687–688]¹. Места объединяются и составляют не пространство (абстрактную сущность, не связанную с непосредственным опытом), а ландшафт, который предстает как чувственная, ориентированная на субъекта схема набора мест [Там же: 683, 689–690].

Понимание пространства как места (модуса интенционального раскрытия человека в мире) и как совокупности этих мест-модусов (ландшафта) ценно для разбираемой здесь темы в том отношении, что помогает увидеть, каким образом осуществляется повседневная реализация человека в его жилом окружении и что происходит в обстоятельствах изменения «пространственных» конфигураций.

Крестьянское жилище, как известно, имеет многовековую историю развития. Считается, что к концу XIX в. сложились

¹ Перевод Е.С. Мамаевой, А.В. Степанова.

его условно классические типы. Тогда же, с пореформенной эпохи, в жилище, как и в других областях народного быта, начинаются трансформации, обусловленные нарастающим влиянием города. В дальнейшем, особенно начиная с после-революционного времени, урбанизирующий фактор не всегда равномерно, но все же неуклонно усиливается.

Написано об этом достаточно, и, как правило, в ключе причинно-следственного детерминизма и сравнения с неким идеальным состоянием «традиции». Отсюда следуют неизбежные при такой постановке вопроса заключения о постепенной утрате традиционности. Подобный ракурс будет интересовать меня меньше всего. Гораздо больший интерес представляют внутренние позиции социальной системы (под оной понимается крестьянский мир в целом и жилище в частности) и ее акторов — в любом актуальном состоянии их бытия и внешних условий: какое значение «новшества» имеют для самореализации системы и людей, какие структурные конфигурации они вырабатывают, каким ожиданиям соответствуют и как отражаются на повседневных практиках.

Сам характер рецепции нововведений определяется спецификой взаимодействия системы и среды, зависящей от внутренних особенностей самой системы, степени релевантности ожиданий системы и предложений среды, интенсивности воздействия среды и пр. Никлас Луман для различения системы и среды ввел понятие «оперативной закрытости»: система осуществляет операции только в себе самой, она может оперировать лишь теми структурами, которые создала сама; экспорт структур в систему, пока она является собственно системой, невозможен [Луман 2007: 94 и след.]. Связь системы и среды осуществляется через их структурную сопряженность, которая весьма избирательна: в систему включаются лишь те «предложения», которые ей в какой-то степени релевантны; нерелевантные факторы, проникая в систему, оказывают на нее деструктивное воздействие [Там же: 124–125]. Будучи оперативно закрытой, система открыта каузально [Там же: 277 и след.], т.е., не имея возможности переносить в систему свои операции, среда (или другая система) оказывает на ее внутреннее развитие мотивирующее воздействие. Сказанное касается и русской деревенской культуры: ее самобытность долгое время определялась относительным совпадением темпов развития с окружающей средой (социально-экономической, политической, техногенной), и даже по расхождении этих темпов она еще некоторое время имела возможность встраивать нововведения в свои структуру и операции.

Важен здесь и следующий фактор: любая система, любой *agens*, реализуясь в мире (в социальной и / или природной среде),

не механически реагирует на его стимулы, а интенционально открывается им навстречу, вкладывая в них смысл в каждой конкретной ситуации [Мерло-Понти 1999: 114–115]. Применительно к нашей теме ярким примером такого раскрытия было распространение с конца XIX в. пятистенка¹ (и более сложных форм жилища) — внутреннего порождения системы, с помощью которого она могла отозваться на идущие извне импульсы. Распространение пятистенка явилось и следствием, и условием изменений в восприятии и использовании (домашнего) пространства.

Во-первых, усилилась спецификация жилого пространства и тем самым расширились его возможности: была конструктивно оформлена особая функциональная зона. Горница за пятой стеной во многих случаях стала считаться комнатой парадной, предназначенной для приема гостей; из домочадцев там могли спать разве что девица на выданье либо взрослый парень [Шустиков 1895: 359–360], т.е. фигуры с особым статусом (хотя есть отдельные свидетельства того, что горница могла использоваться и как общая спальня, см.: [Осипов 1924: 12]). Поскольку в конце XIX в. избы в подавляющем большинстве были еще курными, горница естественным образом противопоставлялась «черной» части как помещение чистое, светлое. Отсюда частые ее эпитеты как комнаты новой, светлой, особой, лучшей [Шустиков 1895: 359; Русские крестьяне 2008: 207; ФА Мез3–29, 4–43]. Характерно, что именно горница в первую очередь стала насыщаться «продуктами цивилизации»: мебелью, обоями и пр.

Во-вторых, появление нового помещения наложило отпечаток как на знаковое содержание других топосов избы, так и на способ их использования. Так, специфическая изолированность кути, ее символическая закрытость (о чем говорит уже ее название) не могли в какой-то степени не размываться вследствие того, что теперь через куть шел проход в горницу (дополнительные двери из сеней существовали далеко не везде). Это, в свою очередь, стало следствием того, что в «закрытости» кути перестали нуждаться (к этому вопросу я еще буду возвращаться ниже).

Безусловно, в советское время соотношение позиций системы (деревни) и среды изменилось радикальным образом, поскольку предложения этой среды становились все более нерелевантными для устоявшегося габитуса системы (ее «традиционного» бытия). Деревенская система перестает быть независимой,

¹ Впрочем, по археологическим данным, в некоторых регионах пятистенки известны с XII в. [Ушаков 1984: 20–21].

так как у нее отнимают внутренние ресурсы, необходимые для самовоспроизводства и самодостаточности, лишают ее возможности самой контролировать пропускающую способность каналов влияния, и, соответственно, она все меньше может встраивать новации в свои структурные ниши. Новая среда не обладала необходимой комплексностью предложений, из которых система могла бы выбирать (к тому же ее лишили и права выбора). «Предложения» стали унифицированными (безальтернативными) и предписанными всем уровням системы. Например, колхоз предлагался как единственная форма социально-хозяйственной организации (насилованный экспорт структур — речь идет уже не о каузальном воздействии, а о переносе операций). До определенной критической точки габитус еще может противостоять деструктивным влияниям, но по ее прохождении внутренний строй системы начинает перестраиваться с учетом «предложений» среды, либо сохраняя отчасти свои ассимилирующие свойства, необходимые для воспроизводства, либо рискуя утратить идентичность. Тем не менее фактически невозможно отследить момент прекращения самовоспроизводства — в силу скрытых способностей системы к возрождению. Как мы увидим далее на примере локальной традиции организации жилого дома, система и в этих обстоятельствах продолжает порождать собственные структуры.

* * *

Жилой фонд исследованного сельсовета составляют в подавляющем большинстве типичные для Русского Севера пятистенки. Очень редко встречаются избы-двойни и двухэтажные избы. Жилой комплекс представлен двумя видами: 1) летняя изба (перед) и зимняя изба, расположенная с летней в одной рядную связь (брус) через двор и представляющая собой такой же пятистенки, только меньшего размера; 2) летняя изба и зимовка — прирубленный сбоку небольшой четырехстенки на низком подклете (при этом в настоящее время люди часто живут круглый год в летней избе).

«Нетипичный» элемент встретился мне при первом же посещении информантов, заставив почувствовать некоторый визуальный диссонанс. Печь, расположенная, как обычно на Русском Севере, в углу, у задней стены избы, была обращена устьем поперек линии входа, т.е. на боковую стену, а не на фасад. Формально передо мной был северо-западный вариант расположения печи. Поскольку я не замедлил озвучить свое изумление, мне объяснили, что в свое время печь была переложена, а ранее стояла, «как и положено», устьем к уличной (фасадной) стене.

Факт этот оказался не единичным: из 15-ти домов (в 8-ми деревнях), которые я посетил за время исследования, только в одном печь была не переложена таким же образом. По словам информантов, печи теперь повернуты практически у всех, не повернутых остались единицы. Это изменение коснулось как «передов», так и зимних изб. То же самое имеет место в других сельсоветах (Калининском, Матвеевском, в деревнях близ Тотьмы)¹.

По сообщениям информантов, а также моим собственным наблюдениям, планировка и интерьер изб прежде (т.е. примерно до конца 50-х гг. прошлого века) имели абсолютно типичный для Северной России вид и вполне соответствовали более ранним данным, касающимся региона (ср.: [Осипов 1924: 8–12; Русские крестьяне 2008: 51, 188, 264–265]). В силу этой «стандартности» я опускаю излишние подробности (см. рис. 1).

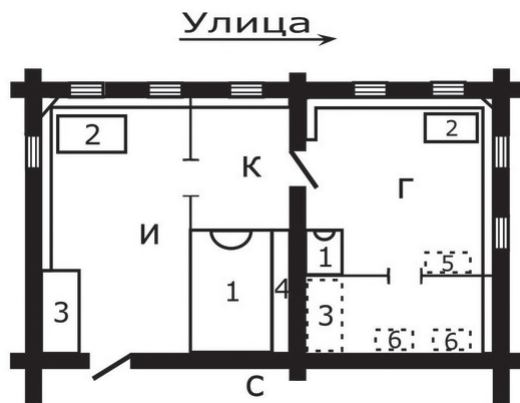

Рис. 1. План избы:
И — изба, К — куть, Г — горница, С — сени;
1 — печь, 2 — стол, 3 — кровать, 4 — голбец (чулан),
5 — горка, 6 — сундук

Печь размещалась у задней стены с правой или с левой стороны от входа, устьем она была направлена на фасадную стену. По другую сторону от входа параллельно боковине печи располагалась деревянная кровать (если позволяли размер избы и материальные возможности семьи). Этот элемент интерьера, который информанты помнят еще с довоенной поры, был уже относительной новацией. На кровати спали хозяин с хозяйкой,

¹ Факт нестандартной установки печи нередко встречается в современной деревне, но здесь он поразил меня своей всеобщностью. Это «единодушное» действие, несмотря на некоторую растянутость во времени, поначалу вызвало подозрение в присутствии какой-то централизованной инициативы — сельсоветов, городской администрации и т.п. (прямо или косвенно связанной с хрущевскими реформами, например), но на данный момент я не нашел этому подтверждения.

иногда и с маленьким ребенком, или, особенно часто после войны, вдовая хозяйка-большуха¹. Иногда хозяйская кровать стояла в горнице, если там была печь-голландка. Над припороженной областью и кроватью от печи до боковой стены простирались полаты. На них, так же как и на полу, спало большинство домочадцев («ребятня»). Передний угол («сутки») — по диагонали от печного. Здесь, как и положено, находились иконы, а также стол — длинной стороной вдоль лицевой (фасадной) стены. Вдоль фасадной и боковой стен, образующих передний угол, стояли неподвижные лавки. Пространство напротив печного устья — «куть» (кухня), где находился весь необходимый женский хозяйственный арсенал. Обычно «куть» отгораживалась от «избы» деревянной перегородкой, вход в нее занавешивался тканью. Между второй боковиной печи и стеной (пятой стеной) было выделено пространство (т.е. печь ставилась на некотором расстоянии от стены), называемое «чулан», в котором хранилась различная кухонная утварь. Там же находился люк («западня») в погреб-голбец («говбец»); этот люк мог располагаться и перед печным устьем (второй вход в голбец вел с улицы или из зимовки в случае наличия последней). Часто чулан забирался сверху досками вровень с высотой печи, а от кути отгораживался дверцей — тогда он также назывался «голбец». На голбце, как и на печи, в самых теплых местах обычно спали дед и бабушка.

Наконец, еще одним обязательным элементом интерьера избы была зыбка, подвешивавшаяся на жерди («качелине») за специальное кольцо к матице². За пятой стеной находилась горница, нередко поделенная на две части перегородкой; вход в нее был через куть. В горнице обычно располагалась печь-голландка (если ее не было, горницу зимой «запечатывали»); кроме того, здесь часто был свой передний угол, из мебели — стол, стулья, горка, иногда одна-две кровати, сундуки (за перегородкой, если таковая была). Горница предназначалась для приема гостей, и спали в ней домочадцы редко. В таком виде, насколько позволяют судить данные, избы просуществовали примерно до конца 1950-х гг.

В течение 1960-х почти все жители сельсовета произвели перестройку изб: главным образом сделали «выстреливание», т.е. обновление нижних венцов сруба. Перестраивали либо

¹ Обычай подобной локализации хозяйской кровати распространен достаточно широко на Русском Севере (Архангельская, Вологодская обл.).

² Поскольку семьи раньше были большие, устанавливалась определенная последовательность сна детей: младенец спал в люльке, пока через год-два не рождался следующий ребенок, тогда старшего отец с матерью сначала забирали спать с собой, а потом устраивали на полатах [ФА Тот24–19].

помочами, либо «хозспособом»: колхоз выделял бригаду строителей, которой закрывались трудодни, а хозяин дома производил оплату (поденщину). Одновременно с перестройкой в ряде случаев осуществляли и описанный выше поворот печи (при этом глинобитные в большинстве своем печи меняли на кирпичные). Но зачастую при перестройке дома печь оставляли «по-старому» и только спустя какое-то время поворачивали. В новых избах печь иногда строили сразу «по-новому».

Мотивации поворота печи, которые приводили мои собеседники, можно объединить в следующие группы: 1) «люди стали культурнее» [ФА Тот24—4, 6, 9, 10, 13, 15]; «стали жить более по-городскому» [ФА Тот24—11]; 2) «раньше скота много держали, чугуны носили по всей избе [когда печь стояла “по-старому”] — расплескивали» [ФА Тот24—4, 5, 7, 10, 13, 17]; «дрова приходилось таскать через всю избу» [ФА Тот24—5, 15]; 3) чтобы высвободить место в передней части избы под «кое-какую» мебель (койку, комод и др.) [ФА Тот24—19]; 4) «все стали перекладывать, и мы переложили» [ФА Тот24—3, 4, 17; 26—15]; «люди посоветовали» [ФА Тот24—17].

Первый аргумент (приводимый чаще других) при всей его размытости и некоторой декларативности отражает переключку внешних социокультурных и внутренних (мировоззренческих) трансформаций, второй и третий тематизируют его. Четвертый аргумент обнажает тот механизм конформности, который руководит всеми подвижками (равно как и «неподвижностями») в исследуемой нами системе.

Объяснения в основном позволяют судить о наличии определенного рационального¹ «проекта», хотя некоторые из них (особенно третьи), возможно, являются следствием так называемого «возвратного эффекта»: толкование мотивов действия дается исходя из ситуации, сложившейся уже после действия. Мотивации четвертой группы вообще лежат за рамками рациональности, но именно они оказывают мощнейшую поддержку реализации «проектов» (известный принцип «двор за двором»). Конечно, мы имеем здесь экзегезу, но она — в каком бы отношении не находилась к реальной практике и с какой бы степенью адекватности не истолковывала «объективные» причины — отталкивается от опыта и так или иначе эксплицирует некую мировоззренческую установку, которая в свою очередь (опять же независимо от соответствия этим причинам) ведет к реальным последствиям (см.: [Лукман 2003: 43]). В любом

¹ Рациональность или рациональное действие я понимаю здесь не в противовес иррациональному или, например, магическому, а в веберовско-шюцковском смысле: как действие, совершая которое, деятель «имеет ясное и отчетливое представление о целях, средствах и побочных результатах» [Шюц 2004: 29].

случае «культурность» здесь — это экспектация, обращенная изнутри вовне, причем в двух смыслах: и напрямую — как ожидание конкретных благ, и косвенно — как готовность системы к производству новых культурных смыслов.

Действительно, несмотря на постепенное улучшение уровня жизни в деревне, начавшееся в 1960-е гг., культурные блага для сельского жителя долго оставались только мечтой (воплощать которую молодежь и хлынула мощным потоком в города¹). Тем не менее трансформации в социокультурной и экономической сферах инициируют определенные подвижки в быту, культурных ожиданиях и практиках. Эти трансформации носят как общероссийский (начало паспортизации сельских жителей, выплаты пенсий, отмена трудодней и пр.), так и местный характер. В 1950 г. на р. Вожбал возводится небольшая электростанция, дающая электричество только для нужд колхоза. Несколькими годами позже проходит электрификация жилых домов (электричество вырабатывается «движками»)², «центральное» электроснабжение организуют лишь в 1980-х гг. В начале 1960-х появляется радио. Первый телефон устанавливают в колхозной конторе в 1960-х, но в домах телефоны появляются только в начале 1980-х гг. С середины 1970-х распространились газовые баллоны³. В 1974 г. сделана асфальтовая дорога от Вологды до Великого Устюга: прежде местные жители добирались до Вологды по грунтовой дороге в течение трех дней. В 1990-е гг. был проложен водопровод, хоть и не во все деревни.

Появление этих «предложений» вносит возбуждение в систему, стимулируя раскрытие «ожиданий» и превращение их в информацию (см.: [Луман 2007: 133–134]). Объективные факторы в известной мере конвертируются в мировоззренческие установки. Например, проведение электричества должно было существенным образом повлиять на восприятие пространства избы. Керосиновая лампа, висевшая под потолком в «сутках», освещала избу весьма слабо и хуже всего — находившуюся за перегородкой куть [ФА Тот24–19], грязь от дров и скотых кормов особо глаз не резала. Свет не только акцентирует прежнюю «нечистоту», но и ориентирует на чистоту (не случайно тема чистоты звучит в мотивациях). Действительно, с появлением электричества в избе становится не только светлее, но и чище: исчезает копоть от лучин и керосинок. Уходит обычай держать

¹ Немаловажно, что за этим стояло не только стремление молодых, но и желание родителей обеспечить детям лучшую жизнь [ФА Тот24–19].

² Сопоставимые даты электрификации можно назвать и для соседних районов, например Сямженского и Верховажского.

³ «Устюгаз» образован в 1971 г.

зимой в избе новорожденных телят и кур, опять же потому, что грязь становится видна на свету (дальнейшим следствием этого становится утепление хлебов) [ФА Сям24—399, 400]. Распространение покупной одежды (отмена трудодней в 1966 г. повышает покупательскую способность) постепенно сводит на нет ткачество, что также способствует чистоте: «копоть» (ворс) от тканей не оседает более на полу, стенах и потолке. Последнее позволяет оклеить стены обоями, покрасить полы и оконные рамы. Если продолжают пользоваться ткацкими станами, то их устанавливают на повети (летом) или в зимовке (зимой). Все это вместе ведет к тому, что изба убирается чаще, поскольку трудоемкость уборки снижается [ФА Тот24—19, Сям24—399, 400].

Другой важный фактор, как уже было отмечено, — повышение финансовых возможностей. Это позволяет наполнить ставшее чистым (культурным) пространство культурными объектами (мебелью)¹, хотя сам этот процесс был довольно растянутым во времени. Уменьшилась численность семьи, в результате чего «ландшафт»² жилища расширился. Он стал более праздным и деятельностно «разреженным»: с одной стороны, ушел ряд «традиционных» домашних работ (прядение, ткачество и пр.), и, с другой, рабочая активность во многом была перенесена во внешние по отношению к дому области (на места работы). Возросшая мобильность (и пространственная, и социальная) домохозяев сообщила некоторую подвижность и интерьеру.

Отмеченный поворот печи в общем потоке трансформаций является лишь одним из пунктов. Тем не менее семантика и прагматика печи — ее ключевое значение в витальной системе крестьянского жилища — позволяют, как мне кажется, сделать на этом факте определенный акцент. Поворот печи влечет за собой существенные метаморфозы и в структурном, и главным образом в феноменологическом аспекте пространства избы.

Итак, что меняется? Пространство напротив устья переложеной печи становится кухней и, так же как и при прежнем расположении, отделяется от остальной части избы перегородкой (иногда перегородка отсутствует как в старом, так и в новом варианте). В стене напротив устья прорубают окно, если его не было там ранее. Хозяйскую кровать переносят в горницу, где

¹ Как я уже отмечал, схожие закономерности (с чистотой, мебелью и «культурой») имели место ранее при появлении в избе горницы.

² Осознаю некоторую рискованность (и неблагозвучность) применения этого термина, разрабатываемого Э. Кейси в социальной географии, в отношении избы. Тем не менее считаю его концептуально релевантным, поскольку он выражает именно феноменологию пространства: не объективные, внеположные человеку параметры, а перцептивную характеристику совокупности мест (топосов), порождаемую отношением к ним субъекта. Поэтому, за неимением на данный момент лучшего, оставляю его, закавычив.

устанавливают, как правило, поблизости от голландки (которую зачастую складывают только теперь). Сама печь кладется с отступом от задней стены избы; получившийся таким образом чулан служит дополнительным проходом в горницу — через устроенную в пятой стене дверь. В настоящее время эта дверь в большинстве случаев закрыта либо вообще заделана, в образовавшемся тупике поставлен умывальник (иногда «судёнки»¹). Здесь же, в чулане, находится люк в голбец, на стене — вешалка для одежды. Полаты либо вовсе исчезают, либо, при недостатке спальных мест, размещаются над указанным чуланом, таким образом, они становятся намного уже. На сегодняшний день полаты уже не используются по прямому назначению (в некоторых семьях на них спали вплоть до 1980-х гг.). Если полаты и сохраняются, то служат местом хранения продуктов: лука, чеснока и т.п. Основные детали современного кухонного интерьера следующие: газовая плита (появляется с проведением газа), холодильник (с 1970-х гг.), кухонный столик, посудный шкафчик и / или очень часто сохранившиеся судёнки, в ряде случаев еще и стиральная машина-автомат (у немногих и только в самое последнее время). Расположение названных объектов зависит от размеров кухни и избы и личных предпочтений хозяйки (см. рис. 2 и фотографии в конце статьи).

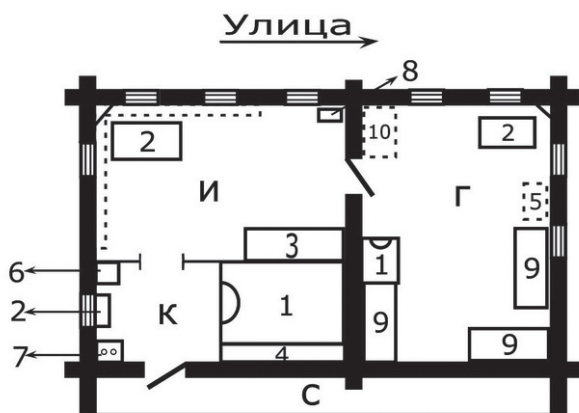

Рис. 2. План избы:

И — изба, К — кухня, Г — горница, С — сени;
 1 — печь, 2 — стол, 3 — диван, 4 — чулан, 5 — горка,
 6 — холодильник, 7 — газовая плита, 8 — телевизор,
 9 — кровать, 10 — платяной шкаф

Вдоль боковины печи, обращенной в избу, размещается кровать или, сегодня гораздо чаще, диван. Напротив него, в бывшем кутнем углу — телевизор (первые телевизоры начинают

¹ Судёнки — полка для столовой посуды (тарелок, ложек и пр.), которую вешают на стену.

появляться в 1970-х гг.¹ и, разумеется, только постепенно становятся распространенным явлением). Наименьшие изменения претерпел передний угол. В нем, как и прежде, располагается божница (к которой с обеих сторон примыкают фотографии членов семьи — как умерших, так и здравствующих) и стол. В промежутке между передним углом и углом с телевизором по фасадной стене могут устанавливаться сервант (горка), комод или трюмо. Наиболее произвольным в плане предметного наполнения является последний угол, образованный боковой стеной и перегородкой (если таковая имеется), которая отделяет кухню от избы. Этот угол может пустовать, там могут стоять стулья, еще одна кровать, платяной шкаф или горка, холодильник и / или стиральная машина, если они не поместились на кухне, и т.п. В горнице также часто находятся иконы. Кроме того, там можно увидеть стол, трюмо, еще один телевизор, шкаф, комод, сервант или горку, швейную машинку, сохранившиеся сундуки, в самое последнее время еще и компьютер² (расположение всего этого, по-видимому, произвольно). Но основная часть горницы занята кроватями, поскольку по существу она превращена в спальню³.

На смену люлькам пришли детские кроватки. Например, информант 1967 г.р. еще качался в люльке, его сестра 1974 г.р. — в напольной самодельной (сделанной местным плотником) качающейся кровати, которую поставили, что характерно, уже в горнице [ФА Тот24—8]. Неподвижные лавки вдоль стен сменяются переносными скамьями, появляются стулья; иногда — обычно в деревнях, близких к центральной усадьбе, — нет и скамей («Культура подходит — время, время — современнные все стали, набрали диванов, кресел да всё такое» [ФА Тот24—11]). Почти у всех пол на кухне, а иногда и во всей избе, застелен линолеумом. Стены, так же как и потолок, обычно обиты листами оргалита и оклеены обоями или же окрашены.

¹ Телевышка в Тотье была подключена в 1971 г.

² Разумеется, степень модернизации зависит во многом от возрастного состава семьи.

³ Интересно отметить, что типологически схожий план избы, по данным Д.П. Осипова, был распространен в этом же регионе, хотя и несколько восточнее, еще в начале 1920-х гг. Изба там, правда, представляла собой не пятистенку, а простой четырехстенку — вследствие экономического упадка. «Внутренне устройство этого “флигеля” представляет из себя простую избу с печью, поставленную несколько отступая от стены. Примыкающими к ней двумя досчатыми перегородками помещение разделяется на три отдельные комнаты: одна из них со стороны входа — кухня, она же и передняя; другая большая с двумя окнами по фасаду — т.н. “зало”, и третья с одним окном — спальная комната» [Осипов 1924: 18]. Автор связывает появление этого типа жилища с полумещанским влиянием города [Там же], но не углубляется в подробности. Исследователь не указывает, куда было направлено устье печи, но логично предположить, что его обращали в сторону кухни, а не зала или спальни. Изба, таким образом, была редуцирована от пятистенки к однокамерной клетке (любая система, чтобы выжить, должна перейти в кризисной ситуации на более низкий уровень); поэтому ее внутренний план как бы ужимался, но функционально он близок к нашему случаю.

Описанные структурные соотношения элементов планировки и интерьера в целом характерны для подавляющего большинства обследованных мною изб. Имеются и некоторые исключения. Так, в ряде случаев по тем или иным причинам стол может быть несколько отодвинут от переднего угла (например, в самый угол поставлен горшок с гибискусом, который привезла информантке дочь и который больше нигде «пристроить»), так же как и телевизор — от своего угла (в углу стоит горка и т.п.). Тем не менее и в этих случаях объекты сохраняют определенное «тяготение» к указанным топосам.

Таким образом, несмотря на все изменения (и модернизационные влияния), налицо устойчивая тенденция к типизации пространства изб: передний угол с иконами и столом — угол с телевизором — угол с диваном. Это связано, по всей видимости, с сильнейшей семантической нагруженностью диагонали *передний угол — печь* (см.: [Байбурин 2005: 152–154]), которая задает структуру домашнего пространства и сохраняется, вероятно, несмотря на поворот печи (в горнице же, как я говорил, расположение предметов носит свободный характер). Но в не меньшей степени эта структура базируется на прагматико-феноменологической основе: она кристаллизуется именно так потому, что соответствует конкретным перцептивно-деятельностным способам проживания пространства, на которые, в свою очередь, влияют изменения социального контекста. Структура и практики, как об этом немало писалось, конституируют друг друга (см.: [Бергер, Лукман 1995; Гидденс 2005; Луман 2007]).

Печь и территория напротив ее устья (кухня, куть) и функционально, и символически связаны с хозяйкой дома (большухой). Этот топос и его актор находятся в отношении экзистенциального и статусного соответствия. По мнению Эдварда Кейси, место инкорпорируется в действующего в нем актора, формируя его соматические и практические схемы [Casey 2001: 688]. Можно предположить, что для хозяйки поворот печи — явление кризисное, как в эмоциональном и ценностном планах, так и в некоторой степени в плане операциональном, т.е. с точки зрения осуществления ее деятельности. Так, у одной из моих собеседниц печь не переложена по сей день, и она не хочет этого, но признает, что придется уступить настоянию сына. Свое нежелание женщина мотивирует тем, что у нее на кухне все «на месте» (т.е. привычно и удобно), в то время как, например, у соседки печь повернута и пришедший домой пьяный сын постоянно переворачивает кухонные принадлежности [ФА Тот26–4]. Другие интервью также свидетельствуют, что инициатива перекладывания печи исходила не от хозяйки, а от следующего поколения: сына и невестки. Закономерно было

бы ожидать сопротивление со стороны хозяйки, и действительно, подобные конфликты иногда имели место: матушка (свекровь) воспротивилась повороту печи, тогда невестка была вынуждена надавить на мужа, чтобы тот повлиял на мать [ФА Тот26—1, 2].

Характерно, что девиантом в данной ситуации оказывается персона, которая при «традиционном» раскладе, наоборот, выступает санкционером любых действий, — большуха. Невестка, по инициативе которой совершается поворот печи (хотя, по словам информанток, решающее слово принадлежало их мужьям), приходит в дом со стороны, она становится непосредственной хозяйкой в доме позже и уже на новой кухне. Но в большинстве случаев, по свидетельствам информантов (большинство которых родились в конце 1920-х — 1930-х гг., т.е. относятся как раз к тому поколению, которое в 1960-е осуществляло отмеченные перемены), перекладка прошла без споров. И нет оснований подозревать их в неискренности¹. Передел пространства, как это нередко бывает, есть передел власти. В прежнее время, безусловно, не только такое действие, но и инициатива были вряд ли возможны — здесь перед нами основательная хабитуальная трансформация. В данном случае и сопротивление, и «безропотность» свидетельствуют о смене ролей поколений (и покорность большух — признание этого факта). Молодое поколение ориентировано на «культуру» и «городские манеры», оно воспитано (социализировано) уже в существенно других условиях, нежели родители, оно черпает образцы извне, а не изнутри системы. Чугунки и дрова, которые носят через избу, для стариков — явление само собой разумеющееся, для молодых же это повод задуматься, иницилируемые ими перемены несут с собой новое видение мира.

Относительная бесконфликтность обусловлена, по всей видимости, еще и тем, что печь хотя и меняет положение, но не исчезает вовсе (поскольку не исчезает потребность в ней), а соответственно, хозяйка сохраняет возможность осуществлять привычные практики, пусть и в новом топосе, перенося в него укоренившиеся (телесно) навыки прежнего местодействия. Таким образом, возникает компромисс. Если появляется угроза абсолютной утраты этого статусно важного для нее объекта, хозяйка находит силы отстоять свои позиции. Так, в центральной усадьбе в конце советской эпохи были построены несколько двухэтажных кирпичных домов с квартирами городского типа. Семьи колхозников, переезжая в них, зачастую забирали

¹ К сожалению, по понятным причинам, уже нет возможности побеседовать с теми свекровями.

с собой из прежних деревянных домов и своих «бабушек» (матерей, свекровей). Известны случаи, когда те ставили непременно условием своего переезда, чтобы на новом месте им сложили русскую печь. И действительно, русские печи несколько уменьшенного размера были сложены на кухнях плановых домов, причем не только на первом, но и на втором этаже (при этом даже при малых размерах этих печей на кухне фактически не оставалось места) [ФА Тот26–7]. Таким образом, поскольку новое место оказывается подходящим для осуществления привычной деятельности, открывается и возможность для его внутреннего принятия. Огромную роль здесь играет, конечно, и оглядка на аналогичный опыт «других» (как мы помним, это нередко звучало в мотивациях).

Функциональное назначение самого топоса со всей очевидностью не меняется, причем не только в отношении «профанных» действий — печь, и будучи повернута, продолжает использоваться в магических техниках [ФА Тот20–3]. Но что меняется весьма значительно, так это его позиция в общем «ландшафте» избы. И это должно, на мой взгляд, существенно отразиться и на восприятии одного «ландшафта», и на практиках. В первую очередь, оказывается нарушенным устойчивое отношение двух топосов: кухни и припорожного пространства. Хозяйка теперь готовит у порога, а спит в горнице. Одно место накладывается на другое и вытесняет его значение. Если выражаться в структуральных категориях, закрытое переносится в наиболее открытое, внутреннее — во внешнее и (с определенной долей приближения) женское — в мужское.

Когда кухня (куть) пребывала на своем «традиционном» месте, она была «закрыта» символически и укрыта визуально — если не перегородкой, то самим корпусом печи — от чужого взгляда с порога. «Гость живи как дома, а в шомышу не ходи» [Зеленин 1914: 40] — так потребность в этой закрытости эксплицировалась в некоторых регионах. Считалось, что чужак мог, например, сглазить молоко или квашню, находившиеся там (подробно об этом см.: [Степанов 2011]). Как известно, без приглашения хозяина гость вообще не проходил в избу, он оставался у порога. Теперь же положение меняется: кухня переносится к порогу, и ни о какой «закрытости» в прежнем смысле речь идти не может¹. Она уже и не называется кутью.

¹ Правда, как было замечено выше, распространение пятитенка уже существенно изменило восприятие пространства избы, в т.ч., возможно, приведенная поговорка является наследием предшествующей эпохи. В этом ключе было бы интересно сравнить севернорусскую планировку избы с другими известными, и прежде всего с северо-западной, где печь традиционно повернута поперек входа — свидетельство иной перцептивной пространственной схемы: в «закрытости» здесь, видимо, изначально не нуждаются.

Припорожная зона всегда была пространством проходным, а следовательно, наиболее незащищенным. Поэтому расположение именно здесь хозяйской кровати могло быть неслучайным. Но сначала хозяева переходят спать в горницу, а затем в связи с сокращением численности уже вся семья ночует там. Отныне любой вошедший попадет прямо на кухню. Если хозяйка тоже находится на кухне, ему сразу открываются все осуществляемые ею процессы. Если она в избе, то перегородка закрывает кухню от нее самой, а не от вошедшего. Собственно говоря, кухня отныне является единственным путем в избу. Хозяйки, таким образом, перестают контролировать свой топос, как это было раньше, да и вообще лишаются своей приватной зоны¹. Но, как мы помним, именно эти хозяйки и ратовали за «поворот», а потому, вероятно, изначально имели иные ориентиры.

Как уже было замечено, по прошествии некоторого времени после поворота печи (а иногда и синхронно с ним) реквизит новообразованной кухни значительно обогащается техническими новшествами: появляются газовая плита и холодильник. Новые элементы не отменяют значения старых, поскольку (и до тех пор, пока) те функционально отвечают условиям существования; происходит своеобразное распределение сфер. В подполе (голубце) хранятся овощи и фрукты, засоленное мясо, соленые грибы и пр., т.е. предназначенные для длительного хранения продукты хозяйства и промысла, а в холодильнике — продукты из магазина, предназначенные для скорого использования. В печи готовят основной рацион: кашу, суп, мясо, особенно пироги, и т.п., плита служит для разогрева и жарки; духовка плиты может вообще считаться не подходящей для готовки [ФА Тот24—1, 14, 16]. Хозяйки особенно подчеркивают, что их приезжающие погостить внуки предпочитают пищу из печи [ФА Тот24—4, 16]; плита же играет вспомогательную роль в готовке. Таким образом, функционально родственные элементы образуют пары *печь / плита*, *погреб / холодильник*, конкретизируя более общую дихотомию *домашнее хозяйство / магазин*. Более старые элементы выражают внутренний витальный потенциал системы (домохозяйства), новые — приносимое в систему извне.

Безусловно, сам по себе поворот печи напрямую не связан с появлением бытовой техники (тем более что она распространяется повсеместно, т.е. и в тех регионах, где печь не перекладывали).

¹ Впрочем, безусловно, нежелательные посещения сведены к минимуму и во многом случайны: порядок жизни в деревне, и домашних работ в частности, регламентирован во времени, и если даже не все делают всё синхронно, то уж наверняка знают, когда и что делают соседи и в какое время можно пойти к ним в гости.

Но здесь интересен следующий момент: поворот печи с точки зрения «молодых» — акт культурный, вслед за ним в доме появляются и другие культурные реалии: плита, холодильник и пр., как бы удачно вписываясь в «концепцию». Появление новых элементов делает возможным развитие новых практик, но при этом само вхождение этих элементов в быт отвечает изменениям в образе жизни и связанным с ними культурным ожиданиям.

Реалии советского колхозного строя, как известно, внесли огромные изменения в уклад жизни, задали совершенно другие ритмы, а также заметно сгладили «традиционные» гендерные различия. Так, женщина, будучи вовлечена в колхозную деятельность, оказывалась оторванной от дома в ряде случаев (в связи со спецификой работы) более, чем мужчина. Расположение и оснащение новой кухни оказывается удобным для того, чтобы, забежав на обед, «по-быстрому» поесть за столиком в кухне: для этого не нужно проходить в избу и накрывать «основной». Интервью показывают, что появление газовой плиты позволило мужчине самостоятельно, без женской помощи готовить или, чаще, разогревать пищу, а также, что эта практика «назрела», т.е. соответствовала социокультурным ожиданиям. Часто эта информация спонтанно встраивается информантами в сообщения о других «культурных сдвигах», которые демонстрируют (ожидаемое) включение мужчины в домашнюю хозяйственную деятельность, уход за детьми и т.д.

У меня свой <муж> вот, дак он себе... да и не себе наготовит, и так вкусняво у его! Да, он любил около плиты-то, да повкусня-то чего! <...> — [А это нормально вообще, что мужик готовит?] — Ну, раньше бы это... не нормально раньше было. Это бы сказали бабушки примерно бы: «Ай, ну-ка, подумать надо — мужик готовит!» — раньше не готовили мужики, нет. <...> А ныне мужики пол моют, всё делают — наравне стало, дак... Стали воду носить, дак и то бабки-те всё да: «О-ой! Ну-ка — мужиков заставляют воду носить!» <...> — [То есть воду носить — не мужское дело?] — Как не мужское — самое мужское бы и есть, воду бы носить-то! А всё носили женщины. <...> А нынче потому, что стали заставлять их, чтобы носили — не нам, или помогать — помогайте. <...> Мы не успеваем, например, это — позавтракать: на работу надо бежать — покуда с этой с водой. Вот заодно и стали. <...> Раньше <...> мужики все в лесу, конечно, находились, так уставали, так раньше берегли ведь мужиков ведь, так у бабушек вот это и пошло, что надо мужиков берегчи, а нам это делать — иную работу, и правда, вода носить. Так надо мужчине, а не нам бы, вот и стали, что-то видно наша всё помнела, дак что не стали одни, надо чтобы и вы носили... А нынче всё мужики стали делать: раньше баню не топили мужики, воды

не носили мужики, а нынче и бани топят, и воду носят — помогают, в общем [ФА Тот26—3].

Раньше мужики не готовили — позор был, что мужик, ну-ка, готовит. Буде воровски, чтобы никто не знал. Наш Коля — вот был колодец, о, какой глубокой — первый стал носить воду в избу — коровам эдакая кадца, вот. «О! Привал¹ воду сам носит! Нинку бережёт». А потом все стали носить мужики — ни одна баба не носила воду. Это [нрзб.] он был — стыдно, что мужик воду носит. Вот как. — [А потом что — пример с него взяли?] — Да! «Привал вот, — говорят, — воду носить», — и все стали воду носить. — [Но он не готовил, да?] — Нет, готовить, нет — я готовила... Когда газ стал, потом-то уж он наготовит, а в печи — нет [ФА Тот26—13].

Налицо характерные составляющие: общепринятая норма, ее стражи в лице бабушек и *agens*, в силу своего маргинального положения имеющего право на создание прецедента, необходимого для последующей легитимации новой практики. Но если в отношении объективных позиций общественной структуры новые практики воспринимаются как своего рода переворот, то совсем иначе они артикулируются в области оснований межличностных (приватных) отношений. Так, автор второй из приведенных выше цитат следующим образом мотивирует подобные действия мужа, а по умолчанию и собственные ответные: «Чтобы в честь войти друг к дружке» [ФА Тот26—13]. Еще один информант, мужчина, выражает в своих высказываниях и содержательно, и интонационно именно внутреннюю позицию:

Помогали друг другу, так обязанности были распределены... Я и корову доил вместе с ей: иду, она одно дело делает, а я сажусь это на скамейку и — фить! — [Я думал, не принято, чтоб мужик корову доил...] — Да чё такое непреемственно? — все преемственно мужику. <...> Вот Зоя-то Петровна работала дояркой, вот, так она в 5 часов утра уходит, так всё: и ребятишки у нее остаются одни, да ежели муж не будет это — смотреть ничего да помогать, значит это... — [А муж у нее позже начинал работать?] — К 8-ми часам выезжали туда — в центр, он... механик, в общем, слесарь по технике... [ФА Тот26—9].

В сфере приватных отношений предписанные паттерны оказываются не столь очевидными: более определяющими являются личностные взаимоотношения и конкретная необходимость. Кухня для мужчин — новое место, но интервью показывают, что для них здесь нет ничего необычного. При жене роль

¹ Привал — местное название примака, животного.

мужа на кухне по понятным причинам факультативна, в ее отсутствии эта роль естественно возрастает, тем более в ситуации вдовства: при долгой холостяцкой жизни мужчина осваивает и приготовление пищи в печи. В этом случае оказывается не так важно, к каким гендерным ролям принадлежит практика. Это понятно любым «наблюдателям», «значимым другим», поскольку и для них возможна подобная ситуация. Взаимное «примеривание» чужих обстоятельств и помогает интериоризовать «непривычные» роли. И дело здесь, разумеется, не в размывании какой-то традиции, а в феноменологическом «вхождении» в каждую ситуацию.

Теперь обратимся к другому сектору — «залу». Помимо переноса кухни основным следствием поворота печи стало высвобождение передней части избы. Образовавшееся пространство условно распадается на две функциональные зоны: а) сектор с диваном и телевизором и б) сектор с передним углом и столом. Кухня (куть) в своем прежнем местоположении являлась топосом, чрезвычайно насыщенным деятельностью, но при этом деятельностью рутинной, непроблематизированной. Теперь этот топос, с одной стороны, превращается в место релаксации (там ставят диван и телевизор), а с другой стороны, становится одним из самых информационно насыщенных мест, источником «культуры», которая проблематизирует привычный уклад. Диван здесь предназначен не для сна (как кровать у входа при старом расположении печи), а по преимуществу для досуга, и само это место уже не статусное: сидеть здесь может каждый. (Впрочем, одно другому не мешает, ибо, как говорят информанты, «под телевизор очень хорошо засыпается».)

Отмечу, что распространенный во многих регионах обычай расположения телевизора в переднем углу (см. об этом: [Кучумова]) здесь не прижился. Объясняется это, вероятно, двумя причинами: удобством его установки в заданной конфигурации зала, а также по-прежнему «сильной» позицией переднего угла. На мой вопрос, почему телевизор не поставлен в передний угол, информанты отвечали, и что напротив дивана просто удобней, и что «как же — телевизор под богов!» [ФА Тот24—2] (а также, что бабушки считали: «телевизор — от сатаны» [ФА Тот24—7]).

Сохраняется и знаковость стола: «стол — престол» [ФА Тот20—2]; когда уходят из старого дома или продают дом, из него не выносят ни стол, ни икону [ФА Тот20—1, 2]¹. Обычно соблюдается и «традиционный» порядок рассадки за столом,

¹ Рассказы информантов о личном опыте.

с поправкой на сокращение численности семьи и тот факт, что нынче у каждого индивидуальный столовый набор [ФА Тот26—11, 15—17] (см. рис. 3). Показательно, что в целом данный порядок сохраняется и в квартирах домов барачного типа при рассадке, например, на кухонном уголке, хотя и без привязки к переднему углу.

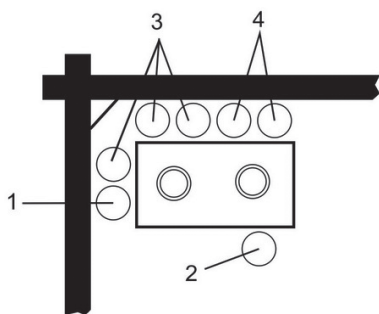

Рис. 3. Порядок рассадки за столом:

1 — отец, 2 — мать, 3 — дети, 4 — бабушка и дедушка (ранее, когда семья ела из одного блюда, деду и бабушке ставили отдельное блюдо, т.к. им было трудно тянуться до общего [ФА Тот24—19]).

При таком способе рассадки и расположении мебели смотреть телевизор, сидя за столом, представляется не очень удобным. И действительно, мне не пришлось наблюдать подобного. Не встречается и обыкновение есть на диване за каким-нибудь столиком (что не редкость в городе). Таким образом, можно предположить, что смешения функций зон не происходит, хотя за немногочисленностью подобных наблюдений нельзя утверждать это однозначно.

Последнее жилое помещение — горница за пятой стеной. Как я уже отмечал, ныне это по преимуществу спальня, именно так она квалифицируется самими информантами. Номинация «горница» может вообще не звучать, хотя женщины занимаются здесь различным рукодельем: шитьем, плетением ковриков, вязаньем и пр., т.е. работами, типичными для зоны «горницы». По наблюдениям, число спальных мест (кроватей) в спальне — три или четыре (еще одна кровать, помимо дивана, может располагаться в зале). Условием этой функциональной трансформации является, без сомнения, сокращение численности семьи, вследствие чего люди перестали спать на полу и полатах (т.е. сам факт уменьшения семьи носит в какой-то мере культурогенный характер). Функции парадной комнаты переходят к залу, горница превращается в место сна (отчасти досуга и работ) хозяев, т.е. из публичного места становится приватным. Не случайным, поэтому, может быть следующий эпизод: одна семья первой в деревне купила телевизор; сначала он был установлен в горнице, и, естественно, каждый вечер здесь стали собираться соседи; это очень не понравилось хозяйке («грязь носили»), поэтому она уговорила мужа перенести телевизор в зал [ФА Тот 24—2].

Итак, как мы видим, поворот печи, меняя пространство жилища — его планировку, меняет и «ландшафт» жилища — его перцептивную (и деятельностную) схему. Этот поворот, имеющий в своем основании уже некоторый рациональный замысел, есть начало трансформации «объективного» пространства, но вместе с тем и начало трансформации его восприятия. Решив переложить печь, хозяева хотя и имеют уже измененную пространственную установку, но еще не «видят» всех будущих функций перекраиваемого пространства — по крайней мере те, кто делали это первыми, не имея примера других. Выражаясь словами Энтони Гидденса, имеют место «непреднамеренные последствия преднамеренных действий» [Гидденс 2005: 47], которые тем не менее становятся условиями для формирования новых значений в системе. В ходе повседневной деятельности эти значения постепенно аккумулируются, структурируются и образуют свои мотивации.

«На выходе» получилась трехчастная структура: кухня, которая, повторяюсь, уже не называется «кутью» (так же как не называется «кутью» место ее бывшего расположения); основное пространство — собственно «изба», либо «зал» («зало»), либо «прихожая» (потому что сюда «приходят»); горница-спальня. Соотношение новых топосов внутри избы также подвержено типизации. Типовые практики неизбежно порождают структуру. Не последнее значение здесь, по всей видимости, имеет и структурообразующая связь двух значимых объектов: печи и переднего угла. И если манипуляции с первым вызывают сдвиг структуры, то устойчивость второго — именно потому, что повседневные практики вкладывают в него такой смысл — играет определенную роль в ее стабилизации¹.

Описанный здесь план избы очень рационален, комфортен и «культурен», с мировоззренческой позиции моих собеседников. Поворот печи оказывается для них способом реализовать культурный концепт с наименьшими усилиями в рамках возможностей, предоставляемых конструкцией избы.

Можно, конечно, констатировать здесь городское влияние или с ностальгическим снобизмом вздыхать об уходящей традиции, но мне близок другой взгляд. Как уже было отмечено, система воспроизводит себя до тех пор, пока, открываясь навстречу идущим извне импульсам, способна продуцировать собственные структуры. Предшествующий опыт системы переоткрывается потребностями настоящего и через это транслируется

¹ Известны примеры, когда связка «передний угол — печь» оказывается даже более принципиальной, чем устойчивость локализации переднего угла: перевернув печь, переносят и передний угол, точнее иконы (Вологодская обл., Сямженский р-н) [ФА Сям24–17].

в будущее (см.: [Мерло-Понти 1999: 176, 188; Бурдые 2001: 105–109]). Этот процесс можно назвать механизмом традиции. Для моих собеседников произведенные перемены — способ оптимизировать свое существование, а стремление к этому уже условие для продолжения традиции.

Сокращения

ФА — Фольклорный архив Санкт-Петербургского государственного университета и АНО «Пропповский центр» (Центр гуманитарных исследований в области традиционной культуры); Мез — Мезенское, Сям — Сямженское, Тот — Тотемское собрания; первая цифра шифра — обозначение жанра в принятой в ФА жанровой классификации, вторая цифра — порядковый номер единицы хранения.

Архивные материалы

ФА СПбГУ Мез. Архангельская обл., Мезенский р-н, 2007 г.

ФА СПбГУ Сям. Вологодская обл., Сямженский р-н, 2005, 2012 гг.

ФА ПЦ Тот. Вологодская обл., Тотемский р-н, 2011 г.

Библиография

- Байбурин А.К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2005.
- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
- Бурдые П.* Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001.
- Бурдые П.* Физическое и социальное пространство // Бурдые П. Социология социального пространства. СПб.: Алетейя, 2007. С. 49–63.
- Гидденс Э.* Устроение общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2005.
- Зеленин Д.К.* Описание рукописей ученого архива ИРГО. Пг.: Имп. РГО, 1914. Вып. 1.
- Кучумова А.С.* Красный угол: положение в пространстве (location) как семантический признак вещи // Сайт «Русский фольклор в современных записях» <http://www.folk.ru/Research/kuchumova_krasny_ugol.php>.
- Лукман Т.* Замечания об описании и интерпретации диалога // Социологическое обозрение. 2003. № 3. С. 41–51.
- Луман Н.* Введение в системную теорию. М.: Логос, 2007.
- Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия. СПб.: Ювента; Наука, 1999.
- Осипов Д.П.* Крестьянская изба на севере России (Тотемский край). Тотьма: Тип. Тотемск. отд. мест. хоз-ва, 1924.
- Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 5: Вологодская губерния.

- Ч. 4: Тотемский, Устьсысольский, Устюгский, Яренский уезды. СПб: Деловая полиграфия, 2008.
- Степанов А.В.* Опыт прагматической интерпретации пространства севернорусской избы: шолныша // Антропологический форум. 2011. № 15 Online. С. 194–215 <<http://anthropologie.kunstkamera.ru/07/15online/>>.
- Топоров В.Н.* О понятии места, его внутренних связях, его контексте (значение, смысл, этимология) // Язык культуры: семантика и грамматика. М.: Индрик, 2004. С. 12–106.
- Ушаков Ю.С.* Народное деревянное зодчество // История русской архитектуры. СПб.: Стройиздат, 1984. С. 7–79.
- Филиппов А.Ф.* Прикладная социология пространства // Социологическое обозрение. 2009. № 3. С. 3–15.
- Шустиков А.* Тавреньга Вельского уезда. Этнографический очерк (Окончание) // Живая стрина. 1895. Вып. 3–4. С. 359–375.
- Шюц А.* Методология социальных наук // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. С. 7–148.
- Casey E.S.* Between Geography and Philosophy: What Does It Mean to Be in the Place-World? // Annals of the Association of American Geographers. 2001. Vol. 91. No. 4. P. 683–693.

*Интерьер избы I:
Вологодская обл., Тотемский р-н, Возбальский с/с, дер. Исаево*

Печь и входная дверь

Чулан между печью и задней стеной избы

Кухня

Зал и проход в горницу (спальню), парень смотрит телевизор

Зал и передний угол

Передний угол, семья за столом

Горница (спальня), вид от дверей

Горница (спальня) и проход в зал

Горница (спальня), спальное место

Горница (спальня), спальное место

*Интерьер избы II:
Вологодская обл., Тотемский р-н, Вожбальский с/с, дер. Сродино*

Зал и проход в горницу

Зал и передний угол

Перегородка, разделяющая зал и кухню, вид на кухню и входную дверь

Кухня, печь и чулан

Кухня, газовая плита

Кухня, посудный шкафчик и столик

Горница (спальня), вид на фасадную стену

Горница (спальня), вид от фасадной стены, спальное место